

Коршунова Надежда Владимировна**Korshunova Nadezhda Vladimirovna**

доктор исторических наук, заведующая кафедрой
отечественной истории и права
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета

D.Phil. in History,
Head of the Russian History and Law Department,
Southern Ural State University of
Humanities and Education Science

Нагимова Алевтина Олеговна**Nagimova Alevtina Olegovna**

аспирантка Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета

PhD student, Southern Ural State University of
Humanities and Education Science

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОУРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ ТОВАРАМИ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ (КОНЕЦ 30-Х – НАЧАЛО 40-Х ГГ. XX В.)

THE PROBLEM OF PROVIDING SOUTH URAL VILLAGERS WITH CONSUMER GOODS (THE LATE 1930S – THE EARLY 1940S)

Аннотация:

В статье представлен анализ обеспеченности продовольственными и промышленными товарами сельских жителей Южного Урала на примере материалов по Чебаркульскому району в период с 1936 по начало 1941 г. Этот короткий промежуток времени называют периодом «свободной» торговли, потому что продажа продуктов народного потребления производилась не по карточкам, а за наличный расчет. На основании архивных материалов и информации из газет определен относительно богатый ассортимент товаров, выявляемый при проведении ревизии. Тем не менее журналисты местных печатных изданий отмечали дефицит ряда товаров, прежде всего промышленного назначения, а также мебели. Однако, несмотря на централизованное снабжение, на селе продолжали играть большую роль охота и рыболовство, что помогало существенно разнообразить рацион сельчан. Одной из причин сложностей со снабжением населения молочными продуктами следует назвать плохую организацию их производства. При этом, несмотря на все трудности, можно сделать вывод о достаточном обеспечении жителей села товарами первой необходимости.

Ключевые слова:

история повседневности, Южный Урал, Чебаркульский район, снабжение продуктами питания и промышленными товарами, С.Н. Купцов.

Summary:

The research analyzed the availability of manufactured goods and food for South Ural villagers by a case study of Chebarkulsky District from 1936 to early 1941. This was the period of free trade because the consumer goods were sold on cash rather than card system basis. The paper presented a wide range of goods revealed during the audit with the help of the contemporaneous archives and newspapers. Nevertheless, journalists of local print media noted the shortage of a number of goods, particularly manufactured ones, as well as furniture. Despite the centralized supply, hunting and fishing continued to play a big role in rural areas that helped vary people's diets. Poor food production management was one of the reasons for failure to supply the population with dairy products. Notwithstanding the difficulties, villagers were sufficiently provided with essentials.

Keywords:

daily occurrence history, South Ural, Chebarkulsky District, supply with food and manufactured goods, S.N. Kuptsov.

Интерес к повседневной истории нашей страны, особенно предвоенного периода, сегодня только возрастает, так как долгое время исследователи уделяли внимание исключительно вопросам глобальной политики. При этом работ, посвященных социально-бытовым особенностям жизни села в российской глубинке, крайне мало и большинство из них носят обобщающий характер. В числе прочих можно назвать книгу американского автора К. Чанта «Наука, технология и повседневная жизнь: 1870–1950», в которой анализируются изменения социума в свете научно-технического прогресса. Одна из глав посвящена нашей стране и называется «Наука, технология и социальные перемены в Советском Союзе». В целом автор указывает на тесную связь идеологии с развитием науки и техники [1].

В то же время изучение бытовой истории возможно только на конкретных примерах, как в монографии Л.В. Лебедевой [2]. Вопросы повседневности рассматриваются и в книге «Русские Южного Урала». Рассказывая о культуре русского населения региона, коллектив авторов подробно описывает организацию поселений, особенности одежды разных слоев населения, праздники, календарные обряды, используя экспедиционные материалы [3]. Однако наблюдается недостаток исследований по отдельным населенным пунктам, особенно в сельской местности, где проживало большинство граждан СССР.

Период с 1936 по начало 1941 г. многие историки характеризуют как благополучный в отношении снабжения продуктами питания и промышленными товарами жителей СССР. В середине 30-х гг. XX в. произошел ряд коренных преобразований в экономической политике государства, затронувший все слои населения Советского Союза. Полная отмена карточной системы в 1936 г. и переход к «свободной» торговле подразумевали не только плановый централизованный сбор продукции со всех уголков страны, но и такое же их распределение в пункты продажи [4]. Предполагалось, что это позволит обеспечить равные возможности для всех граждан. Данный промежуток времени заканчивается с момента начала Великой Отечественной войны, когда вновь были введены карточная система на основные продукты народного потребления и продажа по талонам.

Мы рассмотрели обеспеченность товарами народного потребления жителей южноуральской провинции на материалах Чебаркульского и отчасти Миасского районов Челябинской области. Эту территорию можно рассматривать как достаточно типичную для всего Южного Урала. Здесь присутствуют как промышленные, так и сельскохозяйственные местности, земли богаты лесами и озерами, как и весь Южный Урал.

На территории Чебаркульского района с центром в с. Чебаркуль в период с 1936 по начало 1941 г. продажа промышленных товаров и продуктов питания осуществлялась через сельпо, райпо, магазины Золотопродснаба, Челябинторга, Военторга, колхозные ларьки, колхозный рынок и ларьки Главмолоко. Отличительной чертой данных торговых точек, кроме последних, было отсутствие специализации товаров, в них продавали все и сразу.

Перечень ассортимента товаров, предлагаемых среднестатистическому сельскому жителю Челябинской области во второй половине 1930-х гг., можно узнать из уголовных дел по кражам из магазинов того периода. В ходе расследования обязательно проводилась ревизия со снятием всех остатков в магазине, в том числе со склада. К сожалению, при перечислении остатков не указывалось, какие товары находились на прилавках, а какие были на складе, поэтому сложно судить об их доступности для рядовых граждан.

В магазине № 8 Миасского отделения Челябинторга, расположенном в с. Кундравы, по ведомости от 08.06.1938 г. имелось 483 наименования товаров на сумму 42 982 р. 30 к. Среди них указаны и продукты питания, и украшения, и одежда, и многое другое, вплоть до позиции «ружье дробь 200». Особое внимание привлекает богатый перечень следующих товаров:

- мыло – 35 наименований (от «Глицеринового» и «Банного» до «Золотой осени» и «Стратосферы»), цена варьирует от 75 к. до 2 р. за кусок;
- зубной порошок – 8 видов, стоимость от 45 к. до 1 р. 15 к.;
- дамские гребни для волос – 8 вариантов (от «Редкий» за 90 к. до «С золотой кромкой» по 3 р. 90 к.);
- лента шла метражом, 9 наименований (от тесьмы отделочной по 44 к. за погонный метр до цветной фасованной – за 3 р. 51 к.);
- детские игрушки – 47 наименований (от мячей за 50 к., деревянных дудочек за 1 р. 8 к. и пирамидки за 2 р. 33 к. до слона заводного за 14 р. 50 к. и грузовиков за 11 р. 10 к.);
- конфеты весовые – 12 наименований (от карамели за 4 р. 5 к. за килограмм до грильяжа по 25 р. 30 к.);
- алкоголь – весь под общим названием «вино», но перечисляются и водка, и ликеры, и портвейн (от «Зубровки» 0,25 л за 3 р. 70 к. до «Кагора 1636» за 13 р. 90 к.), всего 15 наименований.

В числе прочего среди дамских товаров фигурировали пудра (4 вида), пудреницы, ободки для волос, браслеты, брошки, туалетная вода для волос, шелковые банты и пояса. Из женской одежды на тот момент в наличии имелись только бюстгалтеры в количестве 2 шт. по цене 5 р. 85 к.

Перечень товаров для мужчин состоял из инструментов (кувалды по 10 р. 80 к., напильников в ассортименте от 1 до 2 р., лобзиков – 3 р. 10 к., гвоздей, хомутов и др.); товаров табачной промышленности (папирос – от 35 к. за «Ракету» до 2 р. за «Беломорканал», махорки курительной по 8 р., нюхательной – по 22 к., сигарет) и аксессуаров к ним (4 вида портсигаров, трубок курительных, бумаги курительной); предметов личной гигиены (помазка для бритья по 2 р. 31 к., стакана для бритья по 3 р. 10 к., бритвы безопасной по 8 р. 45 к., лезвий по 26 к.). Мужская одежда представлена в виде рубашки в одном экземпляре по 32 р., кепи из драпа по 24 р. 25 к. и галстуков в количестве 17 шт. по 6 р.

Ситуация с детской одеждой выглядит не намного лучше. В магазине на момент ревизии имелись платья детские из сатина (20 шт. по 17 р. 40 к.) и льна (8 шт. по 27 р. 95 к.), варежки 2 видов (всего 26 шт.) и пальто суконное по 80 р. 25 к.

Следует отметить, что кроме продуктов питания, одежды и инструментов в магазине продавалась мебель, все наименования в одном экземпляре: стул за 33 р. 40 к., кровать детская двуспальная за 128 р. 25 к., а также техника, например фотоаппарат по цене 124 р. 60 к., были и грампластинки по 3 р. за штуку.

Из продуктов питания отсутствовали мясо и колбасные изделия, не было сыра и молочной продукции, не указаны хлеб и чай. Однако в большом количестве имелись консервы, крупы, компоты, джемы и варенье, печенье и пряники, были сухой квас и кофе. Мука представлена тремя видами: 72 %, 30 % и ржаная. Сахар – рафинад, кусковой и песок. Указаны горчица, соль, спички, лапша и вермишель 72 %. Обозначено определенное число сельскохозяйственного (лопаты, косы и др.) и кухонного (ножи, чугуны, кувшины глиняные) инвентаря, а также школьные принадлежности (карандаш химический, простой и цветные, краски акварельные, резинка ученическая, клей) [5].

Иначе выглядела ситуация в магазине № 61 Миассзолотопродснаба на участке Алтынташ Филимоновского сельского совета в октябре 1937 г. Из результатов ревизии следует, что в магазине имелось 24 наименования товаров на сумму 42 379 р. 30 к. Изначально бросается в глаза наличие колбасы («Минская» за 11 р. 60 к. и «Чайная» за 9 р. 60 к.), сыра («Голландский» за 10 р. 55 к.) и арбузов за 60 к., были патроны 16 калибра (16 к. за штуку, на остатке 561 патрон) и чехлы для ружья по 13 р. 64 к. Здесь, как и в предыдущем магазине, присутствовало не менее 5 наименований мыла, пудры, зубного порошка, одеколona, табачной и алкогольной продукции, а также одежда:

– женская: валенки (в наличии пара за 22 р. 30 к. и пара за 23 р.), полушубки (139 р. 50 к. за шт., в наличии 2), галоши резиновые (3 пары по 13 р. 50 к.), блузки шерстяные (7 шт. за 41 р. 60 к.), перчатки шерстяные (на остатке 17 пар по 7 р. 90 к.), сорочки нательные (6 р. 70 к.), ботинки (7 пар по 23 р. 50 к.) и полуботинки (5 пар по 21 р. 50 к.);

– мужская: костюмы (2 вида за 218 и 230 р.), сорочки нательные (по 8 р. 80 к. и 5 р. 35 к.), кальсоны (за 14 р. 40 к. и 33 р. 10 к.), косоворотки (10 р. 60 к.), пальто шерстяные (за 116, 119 р. и 150 р. 50 к.), галоши резиновые (на остатке 2 пары по 13 р. 50 к.), полуботинки (16 р. 90 к.) и сандалии (на остатке 9 пар за 24 р. 30 к.);

– детская: пальто с меховым воротником для девочки (161 р.), пальто на вате (84 р. 75 к.), платья, валенки, галоши, сорочки, чулки, костюмы для мальчиков (38 р. 20 к. и 49 р. 30 к.). Следует отметить, что цены на детские товары были в несколько раз ниже стоимости взрослых аналогов [6].

Наличие товара в магазине не гарантировало его доступность рядовым гражданам. В статье местной газеты об указанном магазине Золотопродснаба отмечалось: «На Алтын-Ташском прииске зав. магазином Шаньгин и директор участка Подкорытов совсем почти прекратили свободную продажу промтоваров и встали на путь незаконного распределения по цехам, по спискам. При этом, конечно, больше всех получают те, кто поближе к начальству» [7].

Дефицит товаров первой необходимости нашел отражение в разных документах. Об этом можно судить из отчета РИКа: «Мы пока имеем из местной промышленности две промартели: "Красный кирпич им. Кирова" и один Красочный завод на ст. Бишкиль... Мы ощущаем огромную потребность в мебели, колесах, различной деревянной посуде, предметах сельскохозяйственного обихода, санях, черепице и т. д.» [8]. Из воспоминаний С.Н. Купцова, директора Чебаркульского молочного завода тех лет: «При Чебаркульском и Варламовском заводах работали бондарные мастерские, которые изготавливали до 400 кадок в год» [9]. О напряженном положении свидетельствуют газетные объявления. Например, в Рабочей газете г. Миасса регулярны следующие заметки: «Ожидается мебель. На днях Челябинск ожидает партию мебели на 15 тыс. р.: канцелярские столы с одной тумбой, дубовые полумягкие и жесткие сосновые стулья, мягкие диваны и прочее» [10]; «Товары на село. В Райпотребсоюз поступило готового платья на 6 тыс. р., кожаной обуви – на 4 тыс. р. и др. Сейчас торговый отдел райпо эти товары направляет по сельским магазинам» [11].

Кроме покупки готовой одежды, у сельских жителей была возможность изготовить ее на заказ. Например, объявление чебаркульской газеты «На Сталинском пути» гласит: «Для сведения колхозников, колхозов и граждан района: при Райпромкомбинате открыто и работает производство в с. Травники овчинно-кожевенное из давальческого сырья. Вырабатывает: овчины дубленые и черные для тулупов и полушубков, кожи хромовые, а также кожи для рабочих сапог. В с. Чебаркуль швейно-пошивочное. Производит различные работы из материала заказчика» [12].

Большое значение в вопросах питания для жителей района имело развитие животноводства. Чебаркульский район Челябинской области на тот момент состоял из 17 сельских советов, в которых по данным на 01.06.1936 г. проживало 22 704 человека, в районе было 38 колхозов и 2 совхоза [13]. В 1936 г. в Чебаркульском районе были организованы 92 колхозные фермы, из них 27 молочно-товарных, 27 свиноводческих, 23 овцеводческих товарных и 15 смешанных ферм. Кроме того, имелись 8 коневодческих товарных ферм, 4 кролико- и 15 птицеводческих [14].

Еще одним источником обеспечения пищевыми продуктами населения можно считать охоту и рыболовство. О возможностях рыболовецкого промысла в Чебаркульском районе свидетельствует Постановление об эксплуатации рыбных угодий, водоемов и правила лова рыбы в районе, в котором перечисляются, помимо прочего, все озера и размер занимаемой ими площади в гектарах [15]. Вот что вспоминали местные жители в устных рассказах о прошлом: «Зимой щуки лежали во дворе, как поленица, высота была с двухэтажный дом».

Охота тоже являлась одним из способов разнообразить питание сельчан. В этот период государство разрешало иметь охотничье огнестрельное оружие, что подтверждает наличие его

в магазине. Это было необходимо для сдачи пушнины и боровой дичи государству, а также для отстрела диких животных. Например, для жителей Чебаркульского района перечень обязательной для сдачи боровой дичи состоял из рябчиков, куропаток серых и белых, тетерева и глухаря. О потребности в отстреле диких животных свидетельствуют постановления РИКа, например «О выделении в 1936 г. на борьбу с хищными зверями 600 р.» [16]. Другое сообщение: «Волки в колхозах приносят крупнейшие убытки, проводимые волчьи облавы проходят недостаточно организованно и не приносят нужной пользы. Необходимо организовать опытных охотников и колхозников, с привлечением охотников-любителей... установив лучшим охотникам денежные премии» [17]. Именно поэтому за отстрел волков полагалось вознаграждение: «Дирекция Ильменского заповедника выплачивает премии за каждого убитого взрослого волка по 150 р. и по 50 р. за волчонка в пределах 40-километровой полосы, граничащей с заповедником по всей его окружности» [18]. Охота за рысями вообще рассматривалась как доблесть: «79-летний Захаров Дмитрий Максимович охотничьим промыслом занимается несколько лет. В глухом уральском лесу около Куштумги (Тургояк) водятся хищные звери. В этом году охотнику удалось поймать три рыси. Помимо этого, Захаров сдал 5 шкурок зверька – куницы. Шкурки их высоко ценятся» [19].

Для успешной охоты необходимо было снаряжение, патроны, дробь. Перебои с их поставками приводили к серьезным проблемам: «С наступлением сезона осенней охоты в начале третьего квартала Миассзолотопродснаб получил 200 килограммов дроби. К начальнику торгового отдела тов. Щербинину К.А. явилась внеочередная забота: что делать с дробью, как ее распределить? Он решил дробь отдать на заготовку дичи. Не плохо, а даже похвально! Рабочие ждали в столовой дешево и вкусно приготовленных рябчиков или уток... Не удалось покушать дичи рабочим. Только в сентябре они с горечью узнали о том, что охотники, приносившие в магазин продснаба дичь, ушли обратно, не сдав принесенного, потому что в магазине дроби уже не оказалось...» [20].

В предвоенную пятилетку открывались пункты общественного питания, например буфеты на железнодорожных станциях. В с. Непряхино Чебаркульского района действовал пункт общественного питания для работников прииска, в 1939 г. состоялось открытие столовой в с. Кундравы: «Столовая имеет зал на 35 человек. Обслуживающий персонал состоит из пяти человек. На ремонт помещения и оборудование столовой райпо затратило средств больше 3,5 тыс. р.» [21]. Столовые в санаториях «Чебаркуль» и «Кисегач» были открыты для отдыхающих. Эти пункты питания снабжались централизованно, и продуктами местных производителей, в частности мороженым от чебаркульской конторы Главмолоко или хлебом из местных пекарен.

В 1936 г. в Чебаркульском районе, по данным протоколов заседаний РИКа, существовали два молокозавода: Чебаркульский (директор – Вязьмин) и Бишкильский (директор – Разбойников). В документах 1939 г. фигурирует третий завод – Варламовский. То, что мороженое производилось в Чебаркульском районе в середине 1930-х гг., подтверждает приказ РИКа от 21.09.1936 г.: «Развернуть торговлю полным ассортиментом молочной продукции <производимой местными молокозаводами>: молоко, масло, сметана, творог, мороженое, сырковая масса, сыры цукатный и шоколадный, кефир» [22]. Это доказывают и воспоминания С.Н. Купцова, бывшего директора Чебаркульского головного молочного завода, занимавшего эту должность в 1939–1958 гг.: «В основном молокозаводы и отделения вырабатывали сметану, творог, молоко, кефир, простоквашу, мороженое, а в сезон массового поступления молока – сливочное масло. Мороженое вырабатывали самым примитивным способом: наливалась смесь в гильзы и ставилась в деревянный ушат. Забивалась льдом с солью и вручную крутилась до полного затвердения. Вафли для мороженого выпекались на Чебаркульском хлебзаводе. Мороженое реализовывалось через свою сеть и отпускалось санаториям «Кисегач» и «Чебаркуль» по их заказам» [23].

На наш взгляд, именно наличие собственного молокозавода в Чебаркуле, который являлся центральным среди молокозаводов и сепаратных отделений Чебаркульского и Миасского районов, и позволило обеспечить Южноуральский регион соответствующей продукцией. Как вспоминал бывший директор С.Н. Купцов, «принял я контору 1 декабря 1939 г., в которую входило два административных района: Чебаркульский и Миасский. В Чебаркульском районе было три молочных завода: Чебаркульский, Варламовский и Бишкильский. Сепараторных отделений было пять: Травниковский, Мисяшский, 2-й Ключевской, Звягинский, Биргильдинский. В Миасском районе было два завода: Кундравинский и Заураловский, два сепараторных отделения: Устиновский и Сыростанский. Таким образом, в двух районах было 14 производственных точек» [24].

Организовать работу на таких предприятиях было непросто, поскольку производственные цеха, магазины, конторы и заводы того времени в большинстве случаев располагались не в предназначенных для этих целей зданиях, а в бывших домах помещиков, купцов или обычных крестьянских избах. Исключения составляли лишь отдельные организации всесоюзного или областного масштаба. Основная масса оборудования работала на ручной или конной тяге – электричество было далеко не везде: «Помещения заводов и сепараторных отделений размещались в полуразрушенных крестьянских домах, особенно Чебаркульский и Варламовский заводы. Чебаркульский имел две комнаты. В первой стояли сепаратор и водогрейная коробка на 6 фляг. Вторая

с прогнившим полом, где стоял деревянный чан на 400 литров для выработки творога. Молоко охлаждалось во флягах в деревянных колодах в дощатых сараях. Единственным ценным на Чебаркульском заводе был верховой деревянный ледник, вмещавший 500 кубометров льда с тремя камерами для хранения сметаны, творога и масла. Варламовский завод находился в одной комнате в нижнем этаже, крайне ветхом. На втором этаже жили рабочие. На заводах и сепараторных отделениях из оборудования стояли только сепараторы производительностью 300–600 литров в час, правда, на Варламовском заводе были маслобойка и маслообработчик. Электромоторов не было, сепараторы работали вручную, маслобойка работала на конной тяге. В сезон массового поступления молока в двух районах заготавливали до 30 тонн в сутки» [25].

Хлебопекарни, мельницы и элеваторы располагались на всей территории района, но качество хлеба и организация продажи оставляли желать лучшего. Из постановления РИКа: «Торговля хлебопродуктами в районе проходит неудовлетворительно, торговля таковыми имеет перебои, в особенности печеным хлебом. Качество выпекаемого хлеба совершенно плохое. Транспортировка выпекаемого хлеба по магазинам с/по не налажена, установленная норма Правительством об отпуске хлебопродуктов в одни руки не соблюдается» [26].

О проблемах транспортировки говорит и С.Н. Купцов: «Отправка молочных продуктов производилась вагоном-ледником, который прицеплялся к пассажирскому поезду, курсировавшему по маршруту Челябинск – Златоуст и обратно. Поезд этот на остановках стоял по 2 минуты. За это короткое время надо было погрузить 250–300 фляг молока и 30–40 кадок со сметаной и творогом и разгрузить такое же количество пустых фляг и кадок. В Чебаркуле погрузку молочных продуктов производили с двух сторон, со стороны Чебаркуля заранее подвозилась продукция на лошадях и ставилась между путей, а машиной грузилась со стороны Чебаркульского санатория. Бывали нередки случаи, когда с машины во время стоянки не успевали погрузить, грузили на ходу, пока поезд не разовьет скорость. Очень часто оставалось большое количество недогруженного молока, его приходилось подогревать и перерабатывать на сметану и творог» [27].

Как уже отмечалось, поступившие в магазин товары не всегда были доступны для покупателя, в том числе из-за графика работы точек в праздничные и предпраздничные дни: «По магазину Потребсоюза и Челябинторга с 8 утра до 6 часов вечера. Дежурные магазины производят торговлю с 2 часов дня до 12 часов ночи. Хлебные магазины и другие торгующие организации производят торговлю в обычном порядке. Челябинторг – с 8 часов утра до 1 часа дня» [28].

Также следует отметить неудовлетворительную работу персонала магазинов. Из отчета по результатам проверки, проведенной в связи с жалобой в газету местной жительницы, известно, что «со стороны продавцов до сих пор еще не изжито грубое обращение с покупателями, допущение по отношению к себе неряшливости. Со стороны руководителей нет еще достаточной борьбы за культурную советскую торговлю, товары расположены в беспорядке, отмечается антисанитарное состояние магазина. Отсутствует борьба со стороны продавцов за бесперебойную торговлю товарами повседневного спроса» [29].

Организовывались колхозные базары, например в д. Маскайка Камбулатовского сельсовета по просьбе местных жителей с одним базарным днем в неделю – в пятницу. Базарную площадь в с. Чебаркуль по назначению использовали редко, перед этим проводили уборку.

На примере конкретного района видно, что в период с 1936 по начало 1941 г. торговля продовольственными и промышленными товарами в сельской местности производилась в магазинах, контролируемых государством, за наличный расчет. Ассортимент и стоимость в зависимости от принадлежности магазина к той или иной организации различались. Процесс торговли, поступление товара в магазин, его доступность рядовым гражданам контролировали не только руководители магазинов, но и местные газеты. Более того, в вопросах снабжения населения не последнюю роль играли охота и рыболовство, что способствовало разнообразию питания сельского населения.

В то же время нельзя однозначно ответить, соответствовал ли ассортимент магазинов покупательской способности граждан, так как наличие продукции определялось планом, а не рыночными механизмами спроса и предложения. Тем не менее довольно широкий ассортимент не только продовольствия, но и одежды, обуви и промышленных товаров в период «свободной» торговли свидетельствует о достаточно хорошем обеспечении жителей сельских территорий Южного Урала.

Ссылки и примечания:

1. Chant C. Science, Technology and Everyday Life. 1870–1950. L., 1989. 408 p.
2. Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е гг.: традиции и перемены. М., 2009. 182 с.
3. Русские Южного Урала. Традиционная культура XIX–XX вв. / О.Г. Баранова, Г.А. Зимина, В.М. Кузнецов, Е.Л. Мадлевская, Е.Е. Нечвалода, О.В. Новикова, А.А. Рыбалко, Е.А. Чайко, И.И. Шангина. СПб., 2018. 350 с.
4. О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель : постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 25 сент. 1935 г. // Собрание законодательства СССР. 1935. № 51. Ст. 421.
5. Архивный отдел администрации Чебаркульского муниципального района (АОАЧМР). Ф. 27. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–14.
6. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–9.

7. До конца искоренить нарушения правил советской торговли // Рабочая газета. 1938. № 288. С. 3.
8. Архивный отдел администрации Чебаркульского городского округа (АОАЧГО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.
9. Воспоминания С.Н. Купцова, находившегося в должности директора Чебаркульского головного молочного завода в 1939–1958 гг. Не опубликованы. Находятся в личном архиве его внука Д.А. Гриценко.
10. Ожидается мебель // Рабочая газета. 1938. № 286. С. 4.
11. Товары на село // Там же. 1939. № 8. С. 4.
12. Объявления // На Сталинском пути. 1941. № 11. 26 янв. С. 2.
13. См. об этом подробнее: Нагимова А.О. Обсуждение проекта Сталинской Конституции 1936 г. на примере Чебаркульского района Челябинской области // Преподавание истории в школе. 2019. № 2. С. 73–76.
14. АОАЧГО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 47.
15. Там же. Л. 44.
16. Там же. Д. 3. Л. 15.
17. Там же. Д. 6. Л. 8.
18. Объявления // Рабочая газета. 1939. № 24. С. 4.
19. Охотник за рысями // Там же. 1938. № 287. С. 4.
20. Ни рябчиков... Ни дробин... // Там же.
21. В Кундравах открывается столовая // Там же. 1939. № 8. С. 4.
22. АОАЧГО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
23. Воспоминания С.Н. Купцова.
24. Там же.
25. Там же.
26. АОАЧГО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
27. Воспоминания С.Н. Купцова.
28. АОАЧГО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 6. Л. 95.
29. Там же. Л. 134.

References:

- 'Announcements' 1939, *Rabochaya gazeta*, no. 24, p. 4, (in Russian).
- 'Announcements' 1941, *Na Stalinskoy puti*, no. 11, Jan. 26, p. 2, (in Russian).
- Baranova, OG, Zimina, GA, Kuznetsov, VM, Madlevskaya, EL, Nechvaloda, EE, Novikova, OV, Rybalko, AA, Chayko, EA & Shangina, II 2018, *Russian Southern Urals. Traditional Culture of the 19th – 20th Centuries*, St. Petersburg, 350 p., (in Russian).
- Chant, C 1989, *Science, Technology and Everyday Life. 1870-1950*, London, 408 p.
- 'Dining Room Opens in Kundravy' 1939, *Rabochaya gazeta*, no. 8, p. 4, (in Russian).
- 'Goods to the Village' 1939, *Rabochaya gazeta*, no. 8, p. 4, (in Russian).
- Lebedeva, LV 2009, *Daily Life of the Penza Village in the 1920s: Traditions and Changes*, Moscow, 182 p., (in Russian).
- 'Lynx Hunter' 1938, *Rabochaya gazeta*, no. 287, p. 4, (in Russian).
- Нагимова, А.О. 2019, 'Discussion of 1936 Stalin Constitution Draft on the Example of the Chebarkulsk District of the Chelyabinsk Region', *Prepodavaniye istorii v shkole*, no. 2, pp. 73-76, (in Russian).
- 'The Furniture is Expected' 1938, *Rabochaya gazeta*, no. 286, p. 4, (in Russian).
- 'To Eliminate to the End the Violations of the Rules of the Soviet Trade' 1938, *Rabochaya Gazeta*, no. 288, p. 3, (in Russian).